

ЮЛИЙ ГУГОЛЕВ

Доктор Гаврилов предупреждал
и беспокоился очень.
Он говорил мне, чтоб я подождал,
чтоб не давил я на поршень.

Я и не думал на поршень давить,
в смысле, давить что есть силы.
Просто надеялся остановить
вертки синие жилы.

Я не хотел ее жизнь обрывать
глупо, внезапно, мгновенно,
но и присесть рядом с ней на кровать
я не желал совершенно.

Видя, как сбрызнуто это белье
желтым, зеленым и алым,
я б не отважился сколько там лье
плыть под ее одеялом,

Я б не рискнул тот стакан осушить,
в котором на что-то надеялся,
эта развалина всю свою жизнь
держит фальшивую челюсть.

Нет, не развалина, лучше сказать,
биологический овоць.
Но почему должен я оказать
этую последнюю помощь?

В смысле, вонзить в ее сердце иглу,
молниеносно, как кобра,
тело ее распластав на полу,
переломать ей все ребра.

Нет, не Гаврилов, именно я
стану тем ангелом белым,
кто повлечет ее душу в края
облаком оцепенелым,

кто повлечет ее душу в края,
в смысле, в иные пределы,
кто, ухватив простыню за края
перенесет ее тело

с пола опять на кровать, мясником
стоя над тушкой старушки,
кто подбородок подвяжет платком,
сделав ей заячьи ушки,

кто до скончанья времен виноват
станет пред лицом Господним,
ангел-хранитель, убивец и кат
этой старушки в исподнем.

И бесконечной кровавой рекой
деток невинные слезки
в пионерлагере под Верей
катятся с каждой березки

в желтом, зеленом и алом лесу,
где каждый ствол или стебель
видит, как я ее душу несу
и натыкаюсь на мебель.

В смысле, что тумба стоит на пути
с гречким орехом на блюде.
Мне неудобно к ней подойти,
мене невозможно нагнуться.

Мне так неловко, склоняясь над ней,
морфий щедить постепенно,
не замечая, что вместо слоней
шипит розоватая пена.

Что же осталось теперь у нее, -
ребрышко, ватка, скворечник, -
любящий бедное тело свое,
блюдечко, гречкий орешек?

Доктор твердит мне: "Возьми табурет
и зафиксируй свой локоть."
Я зафиксировал, в сколько там лет,
кажется, можно не охать.

Мне интересно, мои иль ее
кажутся пальцы синее,
и роковое в груди колотье
кто ощущает сильнее?

Кто начинает миры прозревать?
Кто обретает бессмертье?
Кто же из нас станет повелевать
земной и небесною твердью?

Чья там ладонь станет, словно весы?
Кто будет вечен и точен?
Доктор Гаврилов кусает усы
и беспокоится очень.

* * *

На улицу мы вышли раньше Вити.
Он дольше нас благодарил хозяев.
Андрей хотел пуститься наутек,
но я остановил его словами:
"Поскольку, предлагая Вите выйти,
с собой ты, верно, собирался взять его,
тогда пускай с тобой идет Витек,
ну, а меня уже не будет с вами".
И я себе послушно в путь потек.
Андрей и Витя разберутся сами.

Придя домой, я сразу спать не лег,
верней, я лег, но не сумел заснуть,
хотя пробовал считать овец до ста,
потом считал слонов, потом верблюдов,
а после - видео - включил - магнитофон,
и стал смотреть кино, в котором фон -
уже не просто фон, а Макс фон Зюдов -
пытался при посредстве бледных ног
изобразить страдания Христа,
тем самым потвердив, что "Я есмь путь..."

Не то чтобы евангельская муть, -
я говорю о водах Иордана, -
меня растрогала, но, - как вам передать? -
со мною сделался нервический припадок;
я стал скрипеть зубами и рыдать, -
нет, все же передать не удается.
И, как сказал наутро мне Андрей
о номере порядковом барана
и о хмельной умильности моей:
"Ну что же, значит все-таки струнка бьется".

Андрей предчувствовал, что спать им не
придется.
Во всяком случае, он сам не спал совсем,
поскольку Витя до пяти часов утра,
нахолившись химерой сиротливой,
сидел на стуле, музыке внимая.
Будильник разорвался ровно в семь.
Андрей восстал с бессонного одра
и с радостью узнал, что оба живы.
А Витя, взяв шестнадцать тыщ на пиво,
растаял в воздухе в самом начале мая.

Теперь, когда я это вспоминаю
как бы изнанкой влажного рисунка,
который соскользнул за батарею,
на подоконнике оставил пятна,
меня ясным представляется одно,
о чем скажу, щеками шевеля,
что Богу в равной степени приятны
о нем самом отснятые кино,
и слезы Юлика, и милстыня Андрея,
а также пиво Вити Коваля.

Конечно, при условии, что струнка...

* * *

Папа учил меня разным вещам.
Он прививал мне любовь
к Диккенсу, к штанге, к сырому
овощам.

Как он расстроен был, если не сам
чистил я обувь. "Готовь
с вечера книжки, клади их в портфель..."
Папа за каждой отметкой следил
так, что несчастный Давид Коперфильд
рыдал над бараньей котлеткой.
Я, как Давид, над кефиром рыдал.
В сущности, папа был прав.
Папа к кефиру любовь прививал.
Папа был, как Голиаф.

Папа учил как стоять на лыжне.
Папа учил как сидеть под водой.
Папа и в этом был прав.
В легкие воздух мятахный набрав,
папочку я опасался вдвое
вместе с его правотой.
Папа к дыханию любовь прививал.
Помню, он в ванную как-то принес
чайник с подсоленным чаем.
Чай он в себя заливал через нос
и пояснял: "Выдыхаем...
Сразу становимся мы здоровой".
Он как-то весь извивался, как змей.
Вижу я папин оскал.
Вижу, в ответ на безмолвный вопрос
волосы прут из ноздрей.

Он увлекался вольной борьбой
или французской борьбой.
Часто мне снится мучительный сон:
папа в кальсонах, а я без кальсон,
борется папа со мной.
Папа пытался со мною вдвоем
выучить вольный французский прием,
он как-то руки крутил по одной,
шечку сгибая мне дугой.
Прием назывался тройной, нет, двойной
нельсон, нет, все же нельсон.

Папа любовь прививал к наготе,
спать приучал голышом.
Папа рассказывал о красоте,
папа вручил мне альбом,
там на страницах белели зады,
"Вот Аполлон... Вот Геракл..."
Это был неописуемый стыд.
Я от стыда чуть не плакал.
Потом я заплакал в какой-то момент,
Потом я его попросил: "Перестань!",
и папа почти перестал, -
в тот миг восхищенному взору представил
не виденный ранее мною фрагмент
женских турецких башен.

Папа со мною гулял по Москве,
по Подмосковью гулял.
Вот как-то, помню, пришли мы в наш
сквер.

Он двухколесный "Оренок" достал,
он говорил мне "Вперед!",
я же "Сворачиваю!" кричал,
"Я те сверну...", - мне отец отвечал.
Я был уверен - свернет.
Может, не очень удачный пример,
только от ужаса оцепенев,
вижу асфальта зубастый рельеф,
прет из разломов трава,
мамы младенцев зовут нараспив,
восемь кругов остается.

Как же над нами смеется весь
сквер.
Как же над нами смеется
Москва,
все Подмосковье смеется.